

Экономическая политика

СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ВРЕМЯ ОБНОВИТЬ ПАРАДИГМУ?*

Владимир КОМАРОВ

кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией
экономики знаний Института прикладных
экономических исследований (ИПЭИ),
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).
E-mail: vmkomarov@ranepa.ru

Аннотация

В работе показано, что в основе идеологии и стратегии социально-экономического развития может лежать парадигма устойчивого развития. Это подразумевает увеличение национального богатства — запасов капиталов (человеческого, природного, физического, социально-культурного и структурного) во времени. В зависимости от динамики национального богатства можно выделять состояния неустойчивости, адаптации (приспособления) и устойчивости. В работе предложены инструменты для перехода России к парадигме устойчивого развития.

Ключевые слова: национальное богатство, индикатор истинного прогресса, устойчивое развитие, качество жизни.

JEL: O10, O47, Q57.

Оіковочіа • Політика

OIKONOMIA • POLITIKA

Т е о р и я

Введение

В условиях замедления с начала 2013 года темпов экономического роста, усилившегося в результате введения антиросийских санкций, в научной среде развернулась дискуссия о ключевых проблемах действующей экономической модели, о необходимых мерах для перехода к новому качеству развития. Широко обсуждаются модели и механизмы обеспечения долгосрочного экономического роста [Maу, 2015]. Настоящее исследование продолжает данную дискуссию, но его фокус лежит в несколько иной плоскости: мы анализируем контуры перспективной модели развития не с точки зрения *необходимых условий, механизмов или вариантов политики*, а с точки зрения *стратегического планирования*.

Выявляя необходимые условия обеспечения экономического роста, можно говорить, к примеру, о снижении инфляции до уровня 4% как о важнейшей предпосылке его возобновления. Анализ же вопросов стратегического планирования предполагает дискуссию об идеологии и важнейших стратегических приоритетах. Снижение инфляции как таковое вряд ли

* Автор выражает признательность В. А. Бариновой, зав. лабораторией исследований корпоративных стратегий и поведения фирм РАНХиГС, за ценные комментарии в ходе подготовки настоящей статьи.

может являться самоцелью, эта и другие меры по формированию зрелой рыночной системы не более чем средство для реализации выбранного национального курса.

Стратегической задачей 2000-х годов было «удвоение ВВП»; в конце 2000-х годов на первый план выходит повестка инновационного развития и модернизации. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России, утвержденная 17 ноября 2008 года, описывает Россию 2020 года как «ведущую мировую державу XXI века», осуществившую переход «от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития»¹. Однако этот идеологический посыл остался во многом невостребованным. Примерно через год после начала реализации Концепции 70% профессиональных экспертов Красноярского экономического форума признались, что не понимают, чего хочет от них власть, говоря о модернизации, а еще почти половина участников высказали мнение, что «России не нужен интеллектуальный ресурс, обойдемся углеводородным»². В числе последующих стратегических документов, развивающих обозначенный Концепцией посыл, необходимо отметить президентскую концепцию пяти «И» (институты, инвестиции, инновации, инфраструктура и интеллект), экспертную «Стратегию—2020», Стратегию инновационного развития России до 2020 года, майские указы президента и др.

Несмотря на появление значительного числа стратегических программных документов, призванных консолидировать власть, общество и бизнес вокруг общих целей, образ России будущего остается «не в фокусе». А. Блохин отмечает, что общая идеология развития в России не сформулирована, цели «размыты» и не всегда соотносены с реальностью, обязательства «растворены», «ни бизнес, ни государство, ни общественные группы или организации не смогли пока выстроить совместную деятельность по выработке долгосрочных стратегических приоритетов развития страны» [Блохин, 2015. С. 14—19]³. Система стратегического планирования России нуждается в обновлении в целях реализации активной и упреждающей долгосрочной государственной стратегии.

1. Что понимать под социально-экономическим прогрессом?

Дискуссия о том, что подразумевать под социально-экономическим прогрессом, как измерять национальное богатство и благополучие, к настоящему времени остается не завершенной. Многие аспекты этой дискуссии были затронуты в журнале «Вопросы экономики» [Бобылев

¹ См. подробнее: раздел I.3 «Целевые ориентиры» указанной Концепции. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009).

² Красноярский форум схватился за голову // Коммерсантъ. 2010. 13 февраля. С. 3.

³ Если считать, что идеологию развития России последних лет отражали такие слова, как «инновации», «технологический прорыв», то достигнутые результаты вряд ли стоит признать успешными. Крупные российские компании, призванные быть локомотивами инновационного развития, остаются не заинтересованными в инновациях, а исследования, проводимые в России, далеки от статуса «исследований мирового уровня» [Куракова и др., 2014].

и др., 2015]. Авторы, разрабатывая методику измерения устойчивости развития, пришли к выводу о том, что традиционные макроэкономические индикаторы не отвечают современным вызовам. Необходимо определить «цену», которую платит человечество за экономический рост, то есть разработать систему индикаторов, учитывающих экономические, социальные и экологические факторы [Бобылев и др., 2015. С. 159].

Концепция устойчивого развития (в том числе тесно связанные с ней вопросы зеленой экономики, качества жизни, человеческого капитала и т. п.) в настоящее время всё чаще выступает в экономической теории и практике в качестве консенсусного подхода к пониманию прогресса. По сравнению с традиционными теориями экономического роста в данной концепции представлена более широкая трактовка развития, предполагающая положительную динамику природного, человеческого и других видов капитала. Акцент ставится на повышении качества жизни, поддержании жизнеспособности экосистем и создании среды для раскрытия человеческого потенциала, а не на росте производства товаров и услуг⁴. Отличительный признак этого подхода — отказ от предпосылки неоклассической исследовательской программы об индивидуализме и оптимизации. В книге «Развитие и свобода» лауреат Нобелевской премии 1998 года Амартия Сен приводит цитату из «Никомаховой этики» Аристотеля: «Богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего-то другого» [Сен, 2004. С. 31]. Поэтому «невозможно рассматривать экономический рост как самоцель. Развитие необходимо изучать в более тесной связи с общим улучшением нашей жизни и расширением свобод, которыми мы пользуемся» [Сен, 2004. С. 31]. (При этом «подход, в котором центральное положение занимает свобода, по природе своей родственен житейской озабоченности „качеством жизни“» [Сен, 2004. С. 41].)

Подобная «расширенная» трактовка развития несовместима со стандартным, «узким» подходом, отождествляющим социально-экономический прогресс с ростом ВВП. Исследования о правомерности использования показателя ВВП в качестве меры прогресса демонстрируют, что данный показатель исторически не был предназначен для этих целей [Stiglitz et al., 2009; Costanza et al., 2009]. Его использование в качестве показателя прогресса основано «скорее на догме или привычке» [van den Bergh, 2009]. Как финальный аккорд этой дискуссии показательна недавняя публикация в *Nature*, самом цитируемом журнале в мире, где отмечается, что ВВП измеряет «всё, кроме того, что действительно составляет ценность жизни» [Costanza et al., 2014. P. 283].

---

⁴ «Благосостояние включает как экономические ресурсы, такие как доход, так и неэкономические аспекты жизни людей (что они делают и что они могут сделать, как они чувствуют себя, в какой природной среде они живут). Устойчивость этих уровней благосостояния зависит от нашей способности передать будущим поколениям накопленные активы, которые имеют значение для нашей жизни (природные, физические, человеческие, социальные)» (цит. по: Доклад Франции об измерении эффективности экономики и социального прогресса на 42 сессии Статистической комиссии ООН, состоявшейся 22–25 февраля 2011 года. Номер документа: E/CN.3/2011/35. С. 2. URL <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc11/2011-35-France-R.pdf>).

ВВП, учитывающий только производство и продажу товаров и услуг, оставляет без внимания истощение природных ресурсов и ухудшение экологии, распределение богатства, общественные блага, внешние эффекты, нерыночный и добровольческий сектор, общий доступ к знаниям, улучшение качества товаров и услуг. Стремление к максимизации ВВП игнорирует вопросы качества жизни, замалчивает накапливающиеся дисбалансы, связанные с экономическим ростом, — зачастую изменяя предназначение экономической науки⁵.

В последние десятилетия были разработаны альтернативные ВВП показатели прогресса: индикаторы устойчивого развития (индекс скорректированных чистых накоплений Всемирного банка, индикатор истинного прогресса (*genuine progress indicator*) [Talberth et al., 2007]); экологические показатели (экологический след и индекс живой планеты Всемирного фонда дикой природы [WWF, 2014]); показатели качества жизни и человеческого развития (индекс человеческого развития ООН, индекс лучшей жизни ОЭСР); показатели экономики знаний и инновационного развития (индекс экономики знаний Всемирного банка, система индикаторов Европейского инновационного табло [European Commission, 2015]) и др.

Ида Кубижевски с соавторами [Kubiszewski et al., 2013] исследовали сравнительную динамику основных показателей прогресса в 1950—2003 годах — ВВП, индикатора истинного прогресса (далее — ИИП), экологического следа, биоразнообразия, удовлетворенности жизнью (на основе Всемирного обзора ценностей), индекса человеческого развития (ИЧР) и коэффициента Джини. В расчет были включены 17 стран, на долю которых приходится 53% мирового населения и 59% мирового ВВП. Авторы показали, что до 1978 года мировой ВВП и мировой ИИП неизменно увеличивалась. После «самого счастливого для человечества» 1978 года ВВП продолжил рост, в то время как ИИП начал неуклонно сокращаться — сегодня его значения более чем в 2 раза меньше ВВП (на душу населения в стоимостном выражении). ИИП рассматривался авторами как наиболее удачная существующая альтернатива ВВП в качестве меры прогресса.

ИИП учитывает распределение доходов, стоимость волонтерского и домашнего труда и общественных благ, деградацию природного капитала, время досуга и др. Остальные индикаторы (за исключением ИЧР), несмотря на значительные расхождения в динамике для каждой из стран выборки, также не показали устойчивой тенденции к росту в 1950—2003 годах. А ряд показателей — биоразнообразии и экологи-

---

⁵ Как отмечается в журнале РБК: «Нулевые превратили государства в корпорации, нацеленные на максимальную прибыль. А опора преимущественно на монетарные показатели в управлении искажила сам смысл понятия „экономика“». По словам президента «Деловой России» Е. Юрьева, экономика «из науки о рациональном ведении народного хозяйства во благо развития всего общества» превращается «в науку о методах повышения номинального ВВП, капитализации рынков и прочих численных статистических показателей». См.: Нужно ли России очередное удвоение ВВП? // Журнал РБК. 2010. 1 июля.

ческий след (на душу населения в стоимостном выражении) — имели устойчивую отрицательную динамику.

Обнаружив, что рост ВВП не может рассматриваться в качестве приоритета социально-экономической политики, авторы призывают сменить ее логику — перейти от максимизации производства и потребления к императиву улучшения «подлинного человеческого благополучия» (измеряемого на основе ИИП или ему подобных показателей). Такая смена парадигмы предусматривает сдвиг в сторону охраны окружающей среды, обеспечения социальной справедливости, улучшения качества и долговечности продукции⁶ и т. п. [Kubiszewski et al., 2013. P. 67]. Подобная смена парадигмы уже происходит — к Вермонту, который первым из американских штатов законодательно утвердил ИИП в качестве меры прогресса, в 2014 году присоединились еще 19 штатов⁷.

2. 0 закономерности перехода к парадигме устойчивого развития

Отрицательная динамика большинства показателей, отражающих устойчивость развития и качество жизни, послужила толчком к новым теоретическим изысканиям. Сегодня развивается множество новых направлений в экономической науке — экологическая экономика (*ecological economics*) и концепция убыточного (невыгодного) роста, связанные с именем Германа Дэйли [Daly, 2007], экономика экосистем и биоразнообразия (*the economics of ecosystems and biodiversity*, ТЕЕВ) [Sukhdev et al., 2014], экономика окружающей среды (*environmental economics*), экономика счастья (*happiness economics*) и даже буддийская экономика (*buddhist economics*), максимизирующая «валовое национальное счастье». Активно разрабатываются теоретические направления внутри концепций устойчивого развития и зеленой экономики — устойчивый город (экогород), устойчивый транспорт, «зеленая» химия и др.

Представляется, что основная причина растущей популярности *идеологии устойчивого развития и качества жизни* заключается в объективных закономерностях развития современной экономики. Прежде всего это возрастающая роль человеческого капитала. Сегодня всё более пристальное внимание уделяется поиску новых факторов, зачастую нематериальных, которые обеспечивали бы притягательность территорий для высококвалифицированных специалистов (особенно городов и городских районов, где в основном и концентрируется эко-

⁶ Здесь можно говорить о препятствовании практике «планируемого устаревания», то есть намеренного выпуска товаров с искусственно созданным коротким сроком эксплуатации с целью вынудить потребителя делать повторные покупки, что приводит к расточительному использованию природных ресурсов [Bulow, 1986].

⁷ Beyond GDP: US states have adopted genuine progress indicators // The Guardian. 2014. September 23. Следует отметить, что среди регионов России выход на траекторию устойчивого развития заложен в Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года (С. 59) (утверждена постановлением Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580. URL http://www.investintomsk.com/files/doc/strategiya_ser_do_2030g.pdf).

номика знаний), объясняли бы влияние городской среды на формирование человеческого и социального капиталов [Hall, 1999; Landry, 2006]. Другим фактором популярности указанной концепции является рост ВВП на душу населения, приводящий с определенного момента, в соответствии с экологической кривой Кузнеца, к снижению деградации окружающей среды.

Можно отметить и фактор демократизации — тенденции к расширению общественного участия в управлении территориями. Местные сообщества всё активнее готовы добровольно участвовать в создании собственной среды обитания, в разработке и реализации территориальных стратегий развития. Эта тенденция отмечена в работе Марка Дикина, который описывает «человекоориентированный подход» к развитию территорий. Население при этом рассматривается как соавтор проводимой политики. В центре внимания — качество жизни, которое задается не стандартами потребления, а совокупностью различных важных для местных сообществ факторов, включая качество почвы, воздуха и воды, переработку отходов [Deakin, 2009. P. 95]. Подобные подходы, по нашему мнению, можно назвать «экосистемными», поскольку они рассматривают отдельно взятые уникальные территории во взаимосвязи с людьми, изучают возможности людей формировать собственную среду обитания — «экосистему» территории.

Эти изменения предвидел еще Уолт Ростоу в работе «Политика и стадии роста», изданной в 1971 году — спустя почти десять лет после публикации знаменитых «Стадий экономического роста». Ростоу, интерпретируя период 1960—1970-х годов, добавил вслед за пятой стадией — эрой «высокого массового потребления» — шестую стадию — стадию «поисков качества» (жизни) как ответ на «разрушения природной и социальной среды» [Rostow, 1971. P. 230—266].

Анализ описанных тенденций позволяет заключить, что переход к «экосистемному» «человекоориентированному» подходу — парадигме устойчивого развития (в том числе роста качества жизни) — в трактовке феномена экономического развития, по всей видимости, безальтернативен.

3. Многообразие видов капитала и общественные блага

Переход от узкого подхода, связанного с максимизацией ВВП, с неограниченным наращиванием физических объемов производства и потребления, к расширенному, то есть к идеологии устойчивого развития и качества жизни, означает не просто изменение набора показателей для оценки прогресса. За этим переходом стоит смена логики реализации социально-экономической политики. Во-первых, учитывается накопление не только и не столько физического капитала, сколько всех значимых видов капитала, включая физический. И, во-вторых, на первый план в структуре богатства выходят общественные блага, которые не могут быть произведены рынком.

Многообразие видов капитала

Исследования, лежащие в основе концепции устойчивого развития, показывают, что накопление физического капитала не только не единственная, но и не основная форма богатства стран мира. Еще в 1994 году экономисты Всемирного банка Исмаил Серагельдин и Эндрю Стер к числу главных компонентов национального богатства отнесли четыре вида капитала: человеческий, социальный, физический (произведенный людьми) и природный. Определив устойчивое развитие как сохранение и увеличение возможностей, которые есть у людей, авторы заключили, что *устойчивость развития означает увеличение запасов выделенных ими видов капитала во времени* [Serageldin, Steer, 1994. P. 30—32]. В зависимости от качества управления совокупными запасами капитала во времени авторы выделили четыре вида устойчивости: *слабую* (поддержание запаса совокупного капитала, взаимозаменяемость всех капиталов), *разумную* (поддержание запаса совокупного капитала, наличие критических пределов взаимозаменяемости капиталов), *сильную* (поддержание запасов каждого из видов капитала по отдельности) и *«абсурдно сильную»* (недопущение/предотвращение истощения капиталов, неприкосновенность невозобновляемых ресурсов). На основе исследования Серагельдина и Стира в 1995 году Всемирным банком впервые были рассчитаны доли человеческих ресурсов (человеческий и социальный капиталы, стоимость труда), физического и природного капиталов в структуре национального богатства стран мира [World Bank, 1995. P. 57—66], составившие в среднем 64, 16 и 20% соответственно. Согласно подходу Всемирного банка все расходы на увеличение запасов данных видов капитала следует относить к категории инвестиций (а не только затраты на физический капитал).

В числе составляющих национального богатства выделяются и другие капиталы. При подсчете индикатора истинного развития богатство ассоциируется с накоплением не только физического, природного, человеческого и социального капиталов — отмечается также роль финансового (денежно-кредитная система) и духовного капиталов [Anielski, 2001]. В работе [Бобылев и др., 2015. С. 148] выделяется институциональный капитал: «В последние десятилетия наша страна под влиянием деградации человеческого, физического (искусственного), природного и институционального капиталов все дальше уходила с траектории устойчивого развития».

Интересно сравнить логику определения видов капитала в структуре национального богатства с традиционными подходами к выделению форм капитала фирмы. Лейфом Эдвинссоном [Edvinsson, Malone, 1997. P. 52, 68] в структуре рыночного капитала фирмы был выделен финансовый и интеллектуальный капитал. Последний включает человеческий (знания и умения сотрудников, в том числе *know-how*) и структурный. Структурный капитал при этом делится на клиентский (отношенческий) (связи с клиентами и поставщиками, деловая

репутация) и организационный, включающий процессный (бизнес-процессы) и инновационный (патенты и товарные знаки) капиталы.

Описанные подходы близки в том смысле, что стремятся учесть все значимые виды капитала. Если от уровня фирмы перейти к национальному уровню, то некоторым аналогом структурного капитала фирмы может выступать структурный (организационный, институциональный, политический) капитал страны. Как представляется, следует рассматривать «правила игры» в качестве составной части национального богатства. В зависимости от качества структуры и организации социально-экономических отношений, то есть эффективности упорядочения множества возможных вариантов поведения экономических агентов, можно говорить о положительном или отрицательном уровне накопления структурного капитала. Развитый структурный капитал означает наличие эффективных стимулов для непрерывного внедрения технологических и организационных инноваций⁸. Функция структурного капитала состоит в оптимизации социально-экономических процессов, поэтому его можно также назвать оптимизационным или управленческим.

Итак, в структуре национального богатства можно выделить следующие виды капитала:

- 1) человеческий (знания и умения, здоровье, наука);
- 2) природный (биосфера и экосистема, доступ к чистой воде и т. п.);
- 3) физический (машины и оборудование, инфраструктура);
- 4) социально-культурный (социальный и культурные связи, духовные ценности);
- 5) структурный (оптимизационный, управленческий).

Структурный капитал, по мнению автора, включает *институциональный* (институты, в том числе правовая система, защищенность прав собственности, деловой климат), *макроэкономический или финансовый* (макроэкономические условия, финансовая и денежно-кредитная система, в том числе доступность кредитов), *политический*, являющийся аналогом клиентского капитала фирмы (доверие к институтам власти, репутация власти, предсказуемость «правил игры»), и *организационный* (бизнес-процессы, нематериальные активы организаций и т. п.).

Общественные блага и внешние эффекты

Расширенный подход к национальному богатству предполагает переоценку роли общественных благ. Поскольку производство общественных благ — это сфера «провалов рынка», то, согласно новой институциональной теории, государство и гражданское общество выступают основными агентами по их производству, в том числе по интернализации внешних эффектов. Поэтому в рамках парадигмы

---

⁸ Другими словами, для обеспечения эффективного эволюционного процесса экономических изменений, описанного Нельсоном и Уинтером, — появления и последующей рутинизации инноваций [Нельсон, Уинтер, 2002].

устойчивого развития критикуется ситуация, при которой государство стремится к максимизации ВВП любой ценой, даже неприемлемой с точки зрения качества общественных благ. В данной парадигме подчеркивается важность создания эффективной системы выборов как механизма артикуляции и реализации интересов и предпочтений граждан, а также проведения политики по поддержке добровольческого движения.

Неудовлетворительное качество предоставления государством общественных благ (в том числе в части защиты общих ресурсов, развития институтов прямой и представительной демократии) и отсутствие условий и стимулов для предоставления таких благ гражданским обществом приводит к снижению совокупного национального богатства. Общие ресурсы и общественные блага переходят в разряд перезагружаемых общественных благ, клубных или частных благ, перетекают из нерыночной сферы в сферу рыночных отношений, предполагающую платность и конкурентность в потреблении. Например, слабая правоохранительная система замещается частными охранными агентствами, общедоступная питьевая вода — бутилированной и т. п. При этом возникает конфликт интересов между обществом и предпринимательским сектором — если последний заинтересован в этом процессе и в целом в умножении потребностей, которые могут быть удовлетворены на основе платности (платных автодорог, медицины, образования и др.), то в интересах общества сохранение высокого качества и количества общественных благ. Игнорирование государством проблемы отрицательных внешних эффектов приводит к росту общественных издержек. Так, сегодня в Москве проезд 1 км на автомобиле стоит для общества на 3 рубля больше, чем для автомобилиста, данные издержки не перенесены на водителя (не интернализированы) и оплачиваются обществом [Ховавко, 2014. С. 127]⁹.

Таким образом, вопросы преодоления провалов рынка и государства являются ключевыми в рамках расширенного подхода к национальному богатству.

5. К вопросу о перспективной стратегии развития

Управление экономическим развитием

В предыдущих разделах было показано, что устойчивое развитие означает *увеличение национального богатства — запасов капиталов*

---

⁹ Показателен пример, связанный с обсуждением строительства никелевого завода в Черноземье, когда федеральная пресса фактически выступила лоббистом интересов коммерческих структур, причислив экологические организации к «иностранным агентам», а местных жителей — к «протестантам» и «псевдоэкологам» (см.: <http://www.rg.ru/2013/04/26/kombinat.html>). При этом Норильск — никелевая «столица» России — по версии Института Блэксмита входит в десятку самых загрязненных городов мира (см.: <http://www.worstpolluted.org/2013-press-release.html>) и является со значительным отрывом самым грязным городом России по версии Росстата (http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/03-15.htm).

(человеческого, природного, физического, социально-культурного и структурного) во времени. В качестве основного критерия роста национального богатства автор настоящей статьи предлагает достижение Парето-оптимальности. Применительно к данной задаче под ним понимается поиск такого наилучшего из возможных вариантов использования ресурсов, которое увеличивает накопление по крайней мере одного из видов капитала, не нанося ущерба другим видам.

Подобная трактовка формально близка к определениям «разумной» и «сильной» устойчивости Серагельдина и Стира, но содержательно она означает несколько другое. Задача состоит не в том, чтобы механистически вычленять и оценивать накопление отдельных капиталов, устанавливать пределы их взаимозаменяемости. В действительности капиталы, как правило, не могут быть разделены, между ними существуют нелинейные связи, возникают синергетические эффекты. Поэтому важен не механический, а системный, органический подход, направленный на внедрение организационных и технологических инноваций, которые позволили бы максимизировать национальное богатство как систему запасов (взаимосвязанных) капиталов. Ключевая задача политики развития — «создавать новые комбинации вещей и сил» [цит. по: Шумпетер, 2008. С. 157—158]. А поскольку имеющиеся «вещи и силы» — это не что иное, как средства или факторы производства — запасы отдельных капиталов, — то задачу политики развития можно сформулировать более точно: создание новых комбинаций имеющихся капиталов, обеспечивающих их совокупный рост на основе критерия Парето-оптимальности.

Отличие от подхода Шумпетера состоит в том, что критерий эффективности инноваций — это не прибыль и временное монопольное положение на рынке (когда «экономическая логика одерживает верх над технической» [цит. по: Шумпетер, 2008. С. 73]), а рост совокупного национального богатства, в том числе общественных благ, лежащих во внерыночной плоскости. Другими словами, когда логика самоподдерживающегося развития («экосистемная логика») «одерживает верх» над экономической.

В зависимости от того, найдено ли Парето-оптимальное решение, найдена ли неулучшаемая альтернатива, можно говорить о ситуациях неустойчивости, адаптации (приспособлении) и устойчивости. Продемонстрируем различия на конкретном примере пробок в мегаполисах. Если проблема решается теми же методами, при реализации которых она ранее и возникла (строительство и расширение дорог), то это может свидетельствовать о растущей неустойчивости.

Если способы решения проблемы адаптируются к растущим вызовам (например, введение платных парковок или выделенных полос для общественного транспорта), то речь идет о ситуациях адаптации, поскольку решения отчасти приводят к уменьшению остроты проблемы, но за счет роста загрязнений, истощения природного капитала и т. п.

Внедрение принципиально новых транспортных решений (экологически чистых систем рельсового общественного транспорта, ограничения личного автотранспорта, изменения приоритетности проезда и т. п.) — это ситуация устойчивости, предполагающая борьбу с причинами и рост всех видов капитала, например природного (улучшение экологии) и структурного (более эффективная организация движения). В случае устойчивости реализуется целенаправленная политика по внедрению радикальных (базисных) технологических и организационных нововведений, обеспечивающих рост национального богатства на основе критерия Парето-оптимальности (система развивается); в случае адаптации — внедряются улучшающие инновации (система адаптируется). В ситуации неустойчивости — на решение проблем направляются дополнительные ресурсы при отсутствии инноваций, то есть реализуется экстенсивный, а не интенсивный тип воспроизводства (система разрушается).

Система инструментов развития

Большинство инструментов перехода к парадигме устойчивого развития лежит в плоскости совершенствования системы управления ресурсами и предполагает создание такой системы, которая позволила бы использовать ресурсы наилучшим образом и в интересах удовлетворения потребностей большинства. К первоочередным мерам можно отнести следующие.

1. Внедрение *системы доказательной (научно-обоснованной) государственной политики (evidence-based policy)*, которая всё активнее применяется в большинстве развитых стран. Суть доказательного подхода — аналитическая поддержка и обоснование принимаемых решений результатами научных исследований [Campbell et al., 2007]. Это позволяет более качественно подойти к проблеме выбора в экономике — обеспечить не только эффективное, но и оптимальное (в сравнении с ценностью наилучшего из отвергнутых альтернативных вариантов) использование ограниченных ресурсов¹⁰. Таким образом учитываются провалы рынка и государства, общественные блага и внешние эффекты. При этом публичность и доступность для проверки и пересчета третьими лицами данных, лежащих в основе принимаемых решений по распределению бюджетных средств, позволяет преодолеть асимметрию информации между обществом и государством, обеспечить общественный контроль над лоббистскими структурами.

2. *Поддержка общественного участия и волонтерского сектора*, предполагающая комплекс мер по созданию общественных благ. Эти меры предусматривают повышение общественного контроля над предостав-

---

¹⁰ С точки зрения доказательного подхода целевое использование бюджетных средств — это не только их направление на цели, соответствующие условиям получения, но и обоснованность выбора целей с учетом альтернативных издержек.

лением общественных благ и сохранностью общих ресурсов, обеспечение подотчетности власти, внедрение рацпредложений граждан и др. Такая политика предполагает вовлечение знаний и потенциала общества в процесс выработки, принятия и мониторинга решений. Среди поддерживаемых форм общественного участия: инструменты прямой электронной демократии, самообложение и совместное бюджетирование, государственное софинансирование проектов по поддержке местных инициатив и др.

3. *Учреждение органов управления проектами в области устойчивого развития.* Данная мера нацелена на отбор и реализацию приоритетных национальных проектов в области устойчивого развития «под ключ». Возможно создание как единого надминистерского межведомственного центра, так и автономного агентства по аналогии с Агентством стратегических инициатив (АСИ). Такого рода центр и агентство призваны реализовывать важнейшие национальные проекты, обеспечивающие устойчивость развития и увеличивающие совокупное национальное богатство. В проектные команды центра могут быть включены представители заинтересованных органов исполнительной власти, гражданского общества и научного сообщества. Реализация проектов «под ключ», при которой отдельные министерства и ведомства будут отвечать за проект в целом, а не за его отдельные блоки, призвана смягчить конфликт интересов и преодолеть длительные согласования. В свою очередь, более независимое агентство призвано быть *арбитром общественных интересов* аналогично АСИ, которое зарекомендовало себя как орган, обеспечивающий защиту интересов предпринимательского сообщества. В числе приоритетных проектов и технологий можно предложить: открытое программное обеспечение и электронные учебники (человеческий капитал); переработка отходов, «зеленая» химия (природный капитал); системы городских электричек и скоростных трамваев (физический капитал); технологии совместной сетевой работы (социально-культурный капитал) и электронного государства (организационный капитал). Отметим важность развития технологий глубокой переработки и рационального использования природных ресурсов, в наличии которых у России имеется абсолютное или относительное преимущество (пресная вода, черноземы, лес, рыба и др.). Возможный источник финансирования проектов — сформированный «бюджет развития» [Мау, 2015. С. 29].

Измерение национального богатства

Сегодня наиболее дискуссионными остаются технические вопросы измерения устойчивости развития и качества жизни — некоторые методики насчитывают сотни показателей. Можно предложить следующую систему стратегических показателей, отражающих увеличение национального богатства в целом.

1. *Ожидаемая продолжительность жизни населения*, характеризующая результативность социально-экономического развития, — главная мера прогресса и процветания.

2. *Коэффициент Джини*, отражающий степень имущественного расслоения общества. Сглаживание неравенства и развитие среднего класса означает большее равенство стартовых условий и возможностей, или «благосостояние для всех», как писал Л. Эрхард.

3. *Объем ВВП (на душу населения или общий)*, показывающий динамику производительности труда и внедрения инноваций. Показатель косвенно отражает и общую эффективность действующей рыночной системы, в том числе созданную систему стимулов.

4. *Индекс скорректированных чистых накоплений*, характеризующий экологическую устойчивость [Бобылев и др., 2012], и *показатель объема выбросов в атмосферу загрязняющих веществ* (от стационарных и нестационарных источников) на определенной территории, скорректированный (умноженный) на величину плотности населения на этой же территории, расчет которого позволит учесть негативное влияние выбросов на здоровье людей¹¹.

5. *Индекс подотчетности власти*. Для расчета индекса в ходе социологического опроса выявляются пять—десять конкретных проблем, наиболее волнующих население¹², и производится оценка населением эффективности их решения исполнительной властью. Показатель является интегральной мерой качества выполнения государством своих функций, в том числе предоставления общественных благ.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в основе актуальной парадигмы прогресса может лежать идеология устойчивого развития и качества жизни. Это подразумевает расширенную трактовку национального богатства, предполагает новую роль общественных благ и гражданского общества (в том числе волонтеров). Управление социально-экономическим развитием связано с решением многомерной и многопараметрической задачи в целях нахождения Парето-оптимального состояния — неулучшаемой альтернативы использования видов капитала в целях максимизации национального богатства.

¹¹ В отличие от методики Минприроды РФ, используемой при расчете Рейтинга экологического развития городов России (см.: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/864/rejting_gorodov_.pdf), в рамках которой рассчитывается величина выбросов на душу населения (в том числе поэтому в 2014 году Москва была парадоксально признана самым экологически развитым городом России), представляется правильным не делить общие выбросы города на численность населения, а, напротив, умножать величину выбросов, приходящуюся на 1 кв. км территории города, на соответствующую плотность населения. Если предположить одинаковую величину выбросов на двух равных по площади территориях, первая из которых является густонаселенной, а вторая малонаселенной, то в первом случае при прочих равных условиях негативное воздействие от выбросов будет влиять на сравнительно большее число людей, поэтому первая территория является относительно более экологически грязной и неразвитой.

¹² Например: <http://www.levada.ru/28-01-2015/problems-bespokoyashchie-rossiyan>.

Логика устойчивого развития может лежать в основе обновленной Стратегии долгосрочного социально-экономического развития России, разработка которой стартовала в середине 2015 года¹³.

Литература

1. *Блохин А.* Экономика ненужной продукции (Институциональные особенности кругооборота потерь) // *Экономическая политика*. 2015. № 1. С. 7—40.
2. *Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С.* Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 147—160.
3. *Бобылев С., Минаков В., Соловьева С., Третьяков В.* Эколого-экономический индекс регионов РФ. М.: WWF России, РИА Новости, 2012.
4. *Куракова Н., Зинов В., Комаров В., Павлов П.* Долгосрочные прогнозы как инструмент формирования научно-технологической политики // *Экономическая политика*. 2014. № 4. С. 7—32.
5. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
6. *Мау В.* Социально-экономическая политика в 2014 году: выход на новые рубежи? // *Вопросы экономики*. 2015. № 2. С. 5—31.
7. *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство. 2004.
8. *Ховакво И.* Экономический анализ московских пробок // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 43. С. 121—134.
9. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг. 2008.
10. *Anielski M.* Measuring the sustainability of nations: The genuine progress indicator system of sustainable wellbeing accounts. Paper presented at the Fourth biennial conference of the Canadian society for ecological economics: Ecological sustainability of the global market place, Montreal, Quebec, August 2001.
11. *Bulow J.* An economic theory of planned obsolescence // *Quarterly Journal of Economics*. 1986. Vol. 101. No 4. P. 729—749.
12. *Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G.* Analysis for policy: Evidence-based policy in practice. London: Government Social Research Unit, 2007.
13. *Costanza R., Hart M., Posner S., Talberth J.* Beyond GDP: The need for new measures of progress // *Pardee Papers*. No 4. Boston: Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009.
14. *Costanza R. et al.* Time to leave GDP behind // *Nature*. 2014. Vol. 505. No 7483. P. 283—285.
15. *Daly H.* Ecological economics: The concept of scale and its relation to allocation, distribution, and uneconomic growth. In: H. Daly. *Ecological economics and sustainable development: Selected essays of Herman Daly*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2007. P. 82—103.
16. *Deakin M.* A community-Based approach to sustainable urban regeneration // *Journal of Urban Technology*. 2009. Vol. 16. No 1. P. 91—112.
17. *Edvinsson L., Malone M. S.* Intellectual capital: Realizing your company's true value by finding its hidden brainpower. New York: Harper Business, 1997.
18. *European Commission.* Innovation union scoreboard, 2015.
19. *Hall P.* Cities in civilization: Culture, innovation, and urban order. London: Phoenix Giant, 1999.
20. *Kubiszewski I., Costanza R., Franco C., Lawn P., Talberth J., Jackson T., Aylmer C.* Beyond GDP: Measuring and achieving global genuine progress // *Ecological Economics*. 2013. Vol. 93. September. P. 57—68.

¹³ См.: Для России напишут новую стратегию развития — до 2030 года // *Ведомости*. 2015. 21 июля.

21. Landry C. The creative city: A toolkit for urban innovators. London: Earthscan Publ., 2000.
22. Rostow W. Politics and the stages of growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
23. Serageldin I., Steer A. Epilogue: Expanding the capital stock // I. Serageldin, A. Steer (eds.). Making development sustainable: From concepts to action. Environmentally sustainable development occasional paper series. No 2. Washington, DC: World Bank, 1994. P. 30–32.
24. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Paris, 2009.
25. Sukhdev P., Wittmer H., Miller D. The economics of ecosystems and biodiversity (TEEB): challenges and responses // Helm D., Hepburn C. (eds.). Nature in the balance: the economics of biodiversity. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 135–150.
26. Talberth J., Cobb C., Slattery N. The genuine progress indicator: A tool for sustainable development. Oakland, CA: Redefining Progress, 2007.
27. van den Bergh J. C. J. M. The GDP paradox // Journal of Economic Psychology. 2009. Vol. 30. No 2. P. 117–135.
28. World Bank. Monitoring environmental progress: A report on work in progress. Washington, DC, 1995.
29. WWF. Living planet report. Species and spaces, people and places. Gland, Switzerland: WWF International, 2014.

Ekonomicheskaya Politika, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 24–39

Vladimir KOMAROV, Cand. Sci. (Econ.). E-mail: vmkomarov@ranepa.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(82, prosp. Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation).

The Strategy of Economic Development: Is It Time to Update the Paradigm?

Abstract

It is shown that the ideology and strategy of socio-economic development can be based on the paradigm of sustainable development. This implies an increase of the national wealth as stocks of capital (human, natural, physical, social, cultural and structural) in time. Depending on the dynamics of the national wealth we can distinguish between the state of instability, adaptation, and sustainability. The paper proposes measures for Russia's transition to the paradigm of sustainable development.

Key words: national wealth, genuine progress indicator, sustainable development, quality of life.

JEL: O10, O47, Q57.

References

1. Blokhin A. Economy of unnecessary output (Institutional characteristics of the circuit of losses). *Ekonomicheskaya Politika*, 2015, no. 2, pp. 7-40.
2. Bobylev S., Zubarevich N., Solovyeva S. Challenges of the crisis: How to measure sustainable Development? *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 8, pp. 147-160.
3. Bobylev S., Minakov V., Solov'eva S., Tret'yakov V. *Economic environmental index of the Russian regions*. Moscow: RIA Novosti, WWF Russia, 2012.
4. Kurakova N., Zinov V., Komarov V., Pavlov P. Long-term forecasts as a tool of science and technology policymaking. *Ekonomicheskaya Politika*, 2014, no. 4, pp. 7-32.
5. Nelson R., Winter S. *An evolutionary theory of economic change*. Moscow: Delo Publ., 2002.

6. Mau V. Russia's social and economic policy in 2014: Finding new frontiers. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 5-31.
7. Sen A. *Development as freedom*. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2004.
8. Khovavko I. Economic analyses of Moscow traffic jams. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronnyy Vestnik*, 2014, no. 43, pp. 121-134.
9. Schumpeter J. *The theory of economic development*. Moscow: Direktmedia Publishing, 2008.
10. Anielski M. *Measuring the sustainability of nations: The genuine progress indicator system of sustainable wellbeing accounts*. Paper presented at the Fourth biennial conference of the Canadian society for ecological economics: Ecological sustainability of the global market place, Montreal, Quebec, August 2001.
11. Bulow J. An economic theory of planned obsolescence. *Quarterly Journal of Economics*, 1986, vol. 101, no. 4, pp. 729-749.
12. Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. *Analysis for policy: Evidence-based policy in practice*. London: Government Social Research Unit, 2007.
13. Costanza R., Hart M., Posner S., Talberth J. Beyond GDP: The need for new measures of progress. *Pardee Papers*, no. 4. Boston: Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future, 2009.
14. Costanza R. et al. Time to leave GDP behind. *Nature*, 2014, vol. 505, no. 7483, pp. 283-285.
15. Daly H. Ecological economics: The concept of scale and its relation to allocation, distribution, and uneconomic growth. In: H. Daly. *Ecological economics and sustainable development: Selected essays of Herman Daly*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2007, pp. 82-103.
16. Deakin M. A community-Based approach to sustainable urban regeneration. *Journal of Urban Technology*, 2009, vol. 16, no. 1, pp. 91-112.
17. Edvinsson L., Malone M. S. *Intellectual capital: Realizing your company's true value by finding its hidden brainpower*. New York: Harper Business, 1997.
18. European Commission. *Innovation union scoreboard*, 2015.
19. Hall P. *Cities in civilization: Culture, innovation, and urban order*. London: Phoenix Giant, 1999.
20. Kubiszewski I., Costanza R., Franco C., Lawn P., Talberth J., Jackson T., Aylmer C. Beyond GDP: Measuring and achieving global genuine progress. *Ecological Economics*, 2013, vol. 93, September, pp. 57-68.
21. Landry C. *The creative city: A toolkit for urban innovators*. London: Earthscan Publications, 2000.
22. Rostow W. *Politics and the stages of growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
23. Serageldin I., Steer A. Epilogue: Expanding the capital stock. In: I. Serageldin, A. Steer (eds.). *Making development sustainable: From concepts to action. Environmentally sustainable development occasional paper*, no. 2. Washington, DC: World Bank, 1994, pp. 30-32.
24. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris, 2009.
25. Sukhdev P., Wittmer H., Miller D. The economics of ecosystems and biodiversity (TEEB): challenges and responses. In: Helm D., Hepburn C. (eds.). *Nature in the balance: the economics of biodiversity*. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 135-150.
26. Talberth J., Cobb C., Slattery N. *The genuine progress indicator: A tool for sustainable development*. Oakland, CA: Redefining Progress, 2007.
27. van den Bergh J. C. J. M. The GDP paradox. *Journal of Economic Psychology*, 2009, vol. 30, no. 2, pp. 117-135.
28. World Bank. *Monitoring environmental progress: A report on work in progress*. Washington, DC, 1995.
29. WWF. *Living planet report. Species and spaces, people and places*. Gland, Switzerland: WWF International, 2014.